

Затем он снова превратился в заевшую пластинку, упрямо отказываясь поднять голову, чтобы Мэн Чэнъин увидел его лицо, и лишь тихо бормотал, чувствуя себя несправедливо обиженным.

Мэн Чэнъин опешил. Он был человеком, который поддавался на мягкость, а не на жёсткость, и к тому же Пэй Жуи всегда был для него белой луной, тем светом, что он лелеял. Теперь, когда тот плакал перед ним, как грушевый цвет под дождём, Мэн Чэнъин полностью забыл о своём намерении порвать с Пэй Жуи.

Он не отказался от своих принципов, но всё же сделал шаг назад, инстинктивно пытаясь утешить его:

— Когда ты разберёшься со всем, мы снова поговорим, хорошо?

Пэй Жуи послушно кивнул, не поднимая головы.

Мэн Чэнъин подумал и, не совсем уверенный, оставил себе лазейку:

— Я не говорю, что если ты разберёшься, то мы будем вместе. Просто отложим обсуждение, понятно?

Чёрная макушка снова кивнула.

Увидев, что Пэй Жуи наконец успокоился, Мэн Чэнъин произнёс ещё пару слов утешения и ушёл. Лишь после его ухода Пэй Жуи поднял голову, аккуратно вытер следы слёз платком, убедившись, что выглядит совершенно нормально, без малейших признаков того, что плакал, и только тогда отправился домой.

Он слегка опустил глаза, его лицо было отстранённо-холодным.

Пэй Жуи вернулся домой, открыл дверь и увидел, что его мать всё ещё сидит на диване в той же позе, что и до его ухода. Он прикрыл дверь, тихо подошёл к дивану, опустив взгляд, и мягко позвал:

— Мама.

Мать Пэй не заметила ничего необычного в сыне, напротив, будто наконец нашла выход для своих жалоб, и начала сыпать упрёками:

— Посмотри, кого ты нашёл, совсем невоспитанный...

Пэй Жуи, вместо того чтобы, как обычно, молча слушать материнские жалобы, прямо прервал её:

— Мама, ты помнишь, что обещала мне?

Мать Пэй хотела отчитать сына за невежливость, но, услышав содержание его слов, почувствовала себя немного виноватой:

— Я обещала быть вежливой, но я же ничего плохого не сказала. Посмотри на него, а потом на себя, совсем неблагодарный, нашёл жену — забыл мать...

Она сначала немного смутилась, но, продолжая говорить, снова набралась уверенности.

— Впредь не общайся с ним. Я найду тебе другого парня.

Она говорила с высокомерием, долгое время контролируя сына, что было источником её уверенности. Вернувшись в привычную среду, где она отдавала приказы, её подавленный ранее пыл снова разгорелся.

Пэй Жуи не дал матери того ответа, которого она ожидала, а спокойно сказал:

— Ты обещала согласиться на наш брак, обещала хорошо к нему относиться. Если бы я знал, что так будет, я бы никогда не привёл его сюда.

— И что? — сказала мать Пэй. — Ты снова хочешь ставить мне условия? Ты за два года за границей окреп, да?

— Не условия, — холодно ответил Пэй Жуи. — Ты не выполнила то, что обещала, и я больше не буду просить тебя ни о чём. Между нами больше нет сделки. Если нужно описать это словами, то это скорее «шантаж».

Его логика и речь становились всё более плавными, совсем не такими, как два года назад, когда он был косноязычен.

— Шантаж? Ты смеешь шантажировать свою мать? Чем ты можешь шантажировать меня?

Лицо матери Пэй стало нервным, она явно не ожидала такой реакции от сына.

— Почему нет? — Пэй Жуи поднял бровь. — То, что сказал Чэнъин, — это хороший повод для шантажа. К тому же... ты уверена, что ты моя мать?

Он увидел, как лицо матери резко изменилось, и его догадка, которая уже была почти уверенной, наконец подтвердилась. На мгновение он почувствовал лёгкую тоску, но, вспомнив прошлое, в его сердце возникло странное озарение.

Да, так оно и было.

Те строгие требования, игнорирование его недоумения, холодность к его боли и бессмысленные упрёки. За то, что он не получил высший балл, его жестоко унижали, за детские шалости его наказывали...

Не своего ребёнка, конечно, не жалко. Можно и строго требовать. Если он станет успешным — это их заслуга в воспитании, если нет — то проблема самого ребёнка.

Просто инвестиции, не более того.

Пэй Жуи тихо вздохнул. Вспомнив, как два года назад его тайны были раскрыты матерью и он был насильно отправлен за границу, он больше не чувствовал той ярости, что была вначале. Если бы он не уехал от них, как бы он смог найти пространство для роста, как бы он смог найти правду?

— Я отплачу за твою заботу, но, пожалуйста, больше не вмешивайся в мои дела.

Он вежливо сказал это матери Пэй — или женщине, которая вырастила его, — и ушёл.

Прошло два года, но все думают, что я не изменился, — подумал Пэй Жуи. — Некоторые просто не заметили, а некоторым я не хотел показывать.

Мэн Чэнъин, уйдя, не сразу отправился домой, а некоторое время бесцельно бродил по улице.

Он купил немного шашлыка, но обнаружил, что аппетита у него нет, с трудом доел и сел на скамейку у дороги, чувствуя себя вялым и без настроения.

Вдруг зазвонил телефон, но он не сразу ответил, а сначала долго смотрел на пустую улицу, прежде чем медленно поднять трубку.

Он посмотрел на экран — звонил Мэн Цяньхэ.

Голос на том конце был таким же, как всегда, холодным и спокойным, что немного успокоило Мэн Чэнъина:

— Где ты? Хочешь пообедать?

— Конечно, — ответил Мэн Чэнъин, вставая с телефоном. — Как у тебя нашлось время пообедать со мной?

Тот тихо усмехнулся:

— Просто последние дни не занят.

Затем он не стал продолжать, а спросил:

— Где ты?

— Я? — Мэн Чэнъин огляделся. — Я в парке на пешеходной улице.

— Хорошо, я скоро буду.

Мэн Чэнъин просидел на скамейке меньше пяти минут, как увидел, как чёрный Audi медленно подъехал. Окно опустилось, и показалось знакомое лицо Мэн Цяньхэ.

— Дядя, — позвал он, затем увидел слегка смешное выражение лица Мэн Чэнъина. — Что? Тебе это нравится?

— Внезапно подумал, что это обращение довольно забавное, — сказал Мэн Цяньхэ, увидев, что Мэн Чэнъин сел в машину, и опустив его окно.

— Не ожидал, я всегда думал, что ты человек серьёзный, — проговорил Мэн Чэнъин, застёгивая ремень безопасности.

— Не совсем, — улыбнулся Мэн Цяньхэ.

На самом деле Мэн Цяньхэ был молод, и то, что его все уважали, было больше связано с его положением и манерой поведения. К тому же его черты лица не были слишком строгими, и с первого взгляда он не производил впечатления устрашающего человека, напротив, выглядел очень доброжелательным. Но позже, когда другие познакомились с его методами, они перестали недооценивать его и больше не решались смотреть прямо в его янтарные глаза.

Хотя их цвет был мягким и тёплым, будто наполненным мёдом, на самом деле они были холодными и глубокими, полными льда.

Мэн Чэнъин, увидев эту улыбку, чуть не замер на мгновение, но быстро отвел взгляд, не стал шутить насчёт его внешности.

Судя по его прошлому опыту, мужчины с привлекательной внешностью не любят, когда их хвалят за красоту, и он не хотел доставлять Мэн Цяньхэ неудобства. Поскольку он больше не смотрел, он пропустил быстро промелькнувшую досаду в глазах Мэн Цяньхэ.

Машина быстро остановилась у чайного дома, где они часто бывали. Мэн Цяньхэ припарковался, они поднялись наверх, и Мэн Чэнъин, даже не взглянув на меню, сразу заказал несколько блюд.

— Дайте мне по порции креветочных и изумрудных пельменей, большую порцию лапши с крабовой икрой и тарелку свежих пирожных.

Официант кивнул, записал всё и добавил заказ Мэн Цяньхэ — порцию пельменей с крабовой икрой и чайник чая.

Пельмени подали очень быстро, и вскоре после того как они сели, их уже принесли. Крышка корзинки открылась, и изнутри поднялся пар, наполняя воздух ароматом теста и креветок. Мэн Чэнъин, почувствовав этот запах, вдруг почувствовал аппетит.

Пельмени были маленькими, даже меньше кулака младенца, и в каждой корзинке было всего пять штук. Мэн Чэнъин съел семь или восемь штук за раз, вытер рот и начал есть лапшу, которая только что была подана. Он размешал толстый слой крабовой икры, покрывавший лапшу, и соблазнительный аромат, усиленный горячим бульоном, мгновенно наполнил всю комнату.

<http://bllate.org/book/16316/1472284>